

Проблемы оценки заключения эксперта-психолога

Аннотация: Оценка доказательств является обязательным элементом процесса доказывания. Она заключается в выводе о достоверности или недостоверности доказательства и о доказанности или недоказанности факта, содержащегося в данном доказательстве.

В уголовно-процессуальном доказывании следует различать мыслительную деятельность по оценке доказательственной информации и мыслительную деятельность по оценке доказательств.

Важное место занимает в уголовно-процессуальном доказывании определение предмета оценки, то есть свойств доказательственной информации или доказательств.

На стадии оценки выясняется вопрос, соответствует ли полученная доказательственная информация критериям относимости и допустимости.

Внутреннее убеждение как инструмент оценки доказательств по уголовному делу.

В вопросах назначения СПЭ выделяется доказательственный аспект, при котором заключение эксперта-психолога имеет доказательственную ценность.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное доказывание; оценка доказательств; эксперт-психолог; судебно-психологическая экспертиза; критерий относимости; критерий допустимости; внутреннее убеждение.

♦ Исаева Тарана Абдулла кызы – диссертант Института философии, социологии и права НАН Азербайджанской Республики, член МОПИ (Азербайджан). E-mail: mopi_sid@yahoo.com

Представляется, что прежде чем приступить к рассмотрению и анализу проблем оценки заключения эксперта-психолога, необходимо их обозначить, хотя бы контурно указать, в чем состоят противоречия между реальностью и декларативными предписаниями, после этого искать пути их преодоления.

С нашей точки зрения, основной проблемой, а точнее парадоксом в этом являются заложенные в УПК противоречия о необходимости и возможности помощи специалистов (экспертов) для разрешения вопросов, требующих специальные знания и последующая оценка результатов, полученных посредством этих знаний, лицами, обратившимися за помощью, т.к. они этими знаниями не располагали и сами решить вопрос не могли.

Если короче, то получается каламбур: некомпетентные обратились за помощью к компетентным, а затем стали судить о компетентности последних. Но это еще полбеды, если бы за этим не следовал вопрос о легитимности суда некомпетентных.

Как известно, оценка доказательств является обязательным элементом процесса доказывания, что получило законодательное закрепление в ст. 33 и 138 УПК, а также ст. 145 УПК, устанавливающей правила оценки доказательств [25, с. 26-27]. Однако, законодатель не дает определения термина «оценка доказательств», в связи с чем интерес представляют определения рассматриваемого понятия, имеющиеся в научной литературе.

Так, М.С. Строгович утверждал, что «оценка доказательств заключается в выводе о достоверности или недостоверности доказательства... и о доказанности или недоказанности факта, сведения о котором содержатся в данном доказательстве» [24, с. 303-304].

По мнению большинства ученых, оценка доказательств является мыслительной деятельностью следователя, прокурора и судей, состоящей в том, что они, руководствуясь законом и правосознанием, рассматривают по своему внутреннему убеждению каждое доказательство в отдельности и всю совокупность доказательств, определяя их относимость, допустимость,

достоверность и достаточность для выводов по делу [1, с. 91-92; 4, с. 90-91; 9, с. 40-42; 16, с. 91-95].

Р.С. Белкин считал оценку доказательств логическим процессом установления допустимости и относимости доказательств для установления истины [3, с. 66-67].

По утверждению И.М. Шмелева, оценка доказательств включает в себя их допустимость, относимость, достоверность, силу и достаточность для выводов [10, с. 91].

Согласно приведенных определений, оценка доказательств представляет собой мыслительную деятельность, логический процесс, однако значительные разногласия возникают при определении сущности и предмета указанной оценки.

Так, по мнению М.С. Строговича, оценка доказательств – заключительный, наиболее сложный и ответственный этап доказывания [24, с. 302]. По утверждению Н.П. Кузнецова, в ходе доказывания неизбежна предварительная оценка доказательств в ходе их собирания и проверки, поэтому является неудачным определение собирания, проверки, оценки доказательств как этапов (стадий) процесса доказывания [13, с. 10].

Определенная часть разногласий относительно содержания оценки доказательств в уголовном процессе касается предмета такой оценки, однако, с нашей точки зрения, прежде чем говорить о предмете оценки доказательств в уголовном процессе, необходимо определиться с объектом такой оценки, поскольку в уголовно-процессуальном доказывании, объектом являются не только доказательства, но и доказательственная информация. Поэтому следует говорить не об оценке относимости и допустимости доказательств, а об оценке относимости и допустимости доказательственной информации.

Следовательно, в уголовно-процессуальном доказывании следует различать мыслительную деятельность по оценке доказательственной информации и мыслительную деятельность по оценке доказательств, которые не есть одно и то же.

Важное место в анализе указанных видов деятельности имеет определение предмета оценки, т.е. свойств доказательственной информации или доказательств, наличие которых является обязательным для решения задач уголовно-процессуального доказывания.

С нашей точки зрения в предмет оценки доказательств должны входить их следующие свойства: относимость, допустимость, достоверность, значимость (сила) и достаточность для вывода.

В новом уголовно-процессуальном законе 2000 г. законодатель обоснованно включил в предмет оценки все перечисленные свойства доказательств. Согласно ст. 145 УПК каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости (принадлежности), допустимости и достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела [25, с. 165].

С точки зрения Е.А. Снегирева, доказательственная информация (доказательства) должна признаваться достоверной, если она: а) не противоречит иной доказательственной информации (доказательствам), полученной к данному моменту уголовного судопроизводства; б) согласуется с системой доказательственной базы, сформированной на определенном этапе уголовного судопроизводства, т.е. выступает связующим звеном между иными доказательствами, имеющимися в деле; в) подтверждается иными доказательствами, которые сформированы к данному моменту уголовного судопроизводства [22, с. 66-67].

Как справедливо отмечает И.Г. Крайнов, если полученная информация не отвечает данным критериям, она не может расцениваться как доказательство, ибо установление истины по уголовному делу как основная цель доказывания должно основываться на системе внутренне согласованных и взаимоподтверждающих друг друга доказательств. В ином случае имеет место лишь набор обособленных предположений, на основании которых недопустимо делать какие-либо выводы по делу и тем более принимать

решения, в которых реализуется функция уголовного преследования [11, с. 90].

Р.Г. Ашкенази указывает, что в стадии оценки выясняется, соответствует ли полученная доказательственная информация критерию относимости, а также определяется, обладает ли доказательственная информация свойством допустимости [1, с. 19-20].

По мнению Е.А. Снегирева, критерий допустимости отражает, прежде всего, формальные требования уголовно-процессуального закона к режиму формирования доказательств. В ходе доказывания оценке подлежит также достаточность доказательств, в связи с чем необходимо различать достаточность доказательственной информации для формирования из нее доказательства и достаточность доказательств для принятия по делу процессуальных решений, а также достаточность всех собранных доказательств для разрешения уголовного дела [22, с. 91-92].

В ст. 146 УПК речь идет о достаточности всех собранных допустимых доказательств по уголовному преследованию, объем которых по надлежащим установленным обстоятельствам позволяет сделать надежный итоговый вывод для определения предмета доказывания [25, с. 165-166].

Несмотря на кажущуюся ясность, вопрос о достаточности доказательств, с нашей точки зрения, также является проблематичным. Поскольку на разных этапах судопроизводства взаимосвязанные вопросы о достаточности доказательств и полноте расследования решаются разными субъектами доказывания, то, соответственно, и разной бывает оценка данного обстоятельства. Очень часто, что достаточно для стороны обвинения, по ряду объективных и субъективных причин, недостаточно для противной стороны.

Согласно ст. 145 УПК, дознаватель, следователь, прокурор, судья и присяжные заседатели, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению [25, с. 165], однако в законе не раскрывается содержание термина «внутреннее убеждение». В специальной литературе, посвященной проблемам СПЭ трактовка данного термина также неоднозначна. Так, ряд

авторов (Р.Г. Ашкенази, А.С. Баринов, И.Н. Самохин) придерживаются точки зрения, согласно которой внутреннее убеждение следует рассматривать как метод оценки доказательств и как ее результат [1, с. 61; 2, с. 71; 21, с. 91-92]. Другие авторы (С.И. Востриков, И.Г. Зотов, А.И. Зыков, С.И. Любимов) рассматривают «внутреннее убеждение» не только как метод и результат оценки доказательств, но также как принцип и критерий оценки доказательств [7, с. 51-52; 8, с. 69; 12, с. 51-52; 15, с. 41].

При этом, под методом понимается способ теоретического исследования или практического осуществления чего-нибудь [2, с. 71]. В этом смысле внутреннее убеждение выступает как инструмент оценки доказательств по уголовному делу и в то же время является и результатом оценки доказательств, т.е. выступает в качестве того, что получено в завершении какой-либо деятельности, работы. Вместе с тем, представляется, что когда речь идет о доказывании в уголовном процессе, внутреннее убеждение всегда выступает в качестве промежуточного результата. Как верно отмечает С.И. Носов, формирование внутреннего убеждения не самодостаточно: оно выступает в качестве базы для принятия решений теми или иными участниками расследования либо судебного разбирательства [17, с. 71].

Согласно утверждениям О.В. Рутинцева, указание закона на внутреннее убеждение следует понимать как исключительность компетенции лица, осуществляющего уголовный процесс [20, с. 32]. С нашей точки зрения, данное определение неверно, поскольку каждый участник уголовного процесса, действует согласно своего статуса, элементы которого соотносятся со статусом других лиц. Поэтому в основу наших рассуждений мы берем дефиницию А.Р. Ратинова, который определяет внутреннее убеждение «как свободное от внешнего принуждения и не связанное формальными предписаниями искание истины» [19, с. 167].

Представляет интерес характеристика внутреннего убеждения, данная Ю.К. Орловым, который выделяет два признака оценки доказательств по внутреннему убеждению: а) первый признак свободной оценки – это не

связанность ее субъекта самим законом, отсутствие в нем каких-либо формальных предписаний и б) не связанность субъекта оценки мнением других субъектов, запрет вмешательства в оценочную деятельность [18, с. 83].

Еще один признак внутреннего убеждения назван Л.Д. Кокоревым, который подчеркивал, что оценка доказательств различными участниками процесса, в том числе вышестоящими должностными лицами и органами, не имеет обязательного значения для последующей оценки доказательств следователями, судьями и другими лицами, осуществляющими доказывание [13, с. 224].

Резюмируя изложенное, Е.А. Снегирев определяет внутреннее убеждение, как свободное от мнения иных лиц устойчивое и нравственно обоснованное психическое отношение субъекта доказывания к качеству и количеству необходимых и достаточных элементов, составляющих содержание понятия доказательства, выступающее в качестве метода и результата оценки доказательств (доказательственной информации) [22, с. 100].

Как отмечалось ранее, законодатель в ст. 145 УПК Азербайджанской Республики указал, что внутреннее убеждение должно основываться на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всей совокупности доказательств. Подобная формулировка представляется верной, поскольку используемый ранее термин «обстоятельства дела» весьма расплывчатый и, по нашему мнению, недостаточно конкретный, поскольку в ходе расследования и судебного разбирательства устанавливаются обстоятельства не дела, а криминально-значимого события: не преступления, поскольку в ряде случаев ответить на вопрос о том, имело ли место преступление, можно лишь после вступления в законную силу обвинительного приговора. Устанавливаются они посредством формирования доказательств, т.е. поиска, проверки и оценки доказательственной информации об указанном событии. Однако не всякая информация может быть в дальнейшем преобразована в

доказательства. Определенная информация утрачивает свое доказательственное значение вследствие ошибок либо упущений следственных работников, которые не соблюдают требований уголовно-процессуального законодательства.

Согласно ст. 145 УПК при оценке доказательств дознаватель, следователь прокурор, судья и присяжные заседатели, обязаны руководствоваться законом и своей совестью. Ранее в качестве основания для оценки доказательств по внутреннему убеждению, законодатель в ст. 66 УПК Азербайджанской ССР 1960 г. называл правосознание, роль которого в оценке доказательств субъектом доказывания оценивается в литературе неоднозначно. В частности, ряд авторов (И.С. Фурцев, И.С. Щербин) выступает против нормативного требования руководствоваться при оценке доказательств правосознанием, поскольку оно поглощается требованием оценивать доказательства, руководствуясь законом [26, с. 77; 27, с. 91-92].

В тоже время, по мнению других ученых (А.И. Зыкова), правосознание является важным руководящим началом оценки доказательств, поскольку от правосознания судей, прокуроров, следователей зависит то, как они рассматривают значение процессуального закона в доказывании, как они толкуют такие категории, как «достаточность доказательств для принятия решения», «противоречия в доказательствах» и т.д. [12, с. 91-92].

С нашей точки зрения, не следует отказываться от нормативного закрепления требования руководства при оценке доказательств правосознанием, тем более, что в ст. 25.3 УПК говорится о внутреннем убеждении и правосознании. В современной науке под правосознанием понимается совокупность представлений, взглядов, оценок и эмоций, посредством которых выражается отношение человека и общественных объединений к действующему праву [5, с. 171], что включает в себя и ценностные установки определенного лица, его нравственные ориентиры.

Категория же «совесть» более относится к категориям философским, она имеет множество аспектов, трактуется неоднозначно, а потому ее использование в уголовно-процессуальном законе является неверным.

Теперь на конкретных примерах попытаемся рассмотреть проблемы, соотнести их с изложенными выше положениями и предложить пути разрешения парадоксальных ситуаций.

В сентябре 2010 г. в Кюрдамирское РУП поступила жалоба родителей несовершеннолетнего Исмайлова, 2003 г. рождения о насильственных действиях сексуального характера в отношении него со стороны соседа Нуриева, 1960 г. рождения, семейного, имеющего детей. 27 сентября 2010 г. по результатам проверки заявления было возбуждено уголовное дело по признакам ст. 150.3.3 УК Азербайджанской Республики.

Согласно показаний несовершеннолетнего Исмайлова, 4 сентября 2010 г. сосед Нуриев обманным путем завел его во двор, где под лестницей с применением силы совершил сексуальные действия, затем отвел в дом, где продолжил их, а его сестра Айтадж видела все происшедшее.

На последующих допросах Исмайлов заявил, что аналогичные действия сексуального характера Нуриев совершал ранее, отвезя его на автомашине за город.

Допрошенный Нуриев совершение преступления отрицал, заявив, что стал жертвой клеветы. Допрошенная Исмайлова Айтадж подтвердила, что видела как Нуриев завлек ее несовершеннолетнего брата во двор, совершил сексуальные действия, а затем завел в дом.

21 октября 2010 г. следователь Кюрдамирского РУП назначил по делу судебно-психологическую экспертизу несовершеннолетнего И. Исмайлова, на разрешение которой поставил вопросы о наличии у последнего склонности к фактазированию, отклонений в развитии и способности адекватно воспринимать, запоминать, понимать и воспроизводить происшедшие события.

В распоряжение эксперта были представлены материалы дела и личность И. Исмаилова.

По данному постановлению было получено заключение эксперта №15301, содержание которого мы постараемся изложить более подробно, поскольку оно касается рассматриваемых проблем. Согласно заключению, 22 октября 2010 г. эксперт дал подписку о соблюдении требований статей 97 и 269 УПК и ст. 297 УК Азербайджанской Республики.

Как известно, ст. 97 УПК определяет статус эксперта, а в ст. 269 УПК говорится о проведении экспертизы в экспертном учреждении [25, с. 113-115; 288]. Статья 297 УК гласит об уголовной ответственности эксперта за дачу заведомо ложного заключения [24, с. 168].

Далее отмечено, что заключение составлено 24 ноября 2010 г.

В разделе «Краткое содержание дела» дословно изложено содержание описательной части постановления, вопросы, поставленные перед экспертом, данные эксперта.

Здесь же указано, что экспертиза начата 25 октября 2010 г., после чего следователю было направлено письмо с требованием (просьбой) доставить на исследование несовершеннолетнего И. Исмаилова.

Далее отмечается, что при подготовке заключения эксперта были использованы следующие специальные источники и литература: 1) Б.Х. Алиев. Проблемы судебно-психологической экспертизы в уголовном и гражданском процессе. Баку, 1996; 2) А.А. Ализаде. Половое воспитание детей и подростков. Баку, 1987; 3) С.Ф. Шабанов, Я.Р. Шекиев. Толковый словарь терминов судебно-психологической экспертизы. Методическое пособие. Баку, 2004; 4) С.Ф. Шабанов. Организация и производство судебно-психологических экспертиз по делам о половых преступлениях. Методическое пособие. Баку, 2002; 5) Бурлачук Л.Ф., Морозов С. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб: Питер, 2000; 6) Кон И.С. Введение в сексологию. М., 1987; 7) Нагаев В.В. Основы судебно-психологической экспертизы. М., 2000; 8) Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая

экспертиза в уголовном процессе. Научно-практическое пособие. М., 1998;

9) Медицина и судебная психология. Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М., 2005.

В описательной части заключения излагаются обстоятельства дела, изложенные в постановлении следователя, указывается, что в ходе исследования были использованы следующие методики: психологическая беседа-интервью; интервью; биографический (анамнез) метод; ТАТ (тематическо-апперсентивный тест); сюжетные рисунки; рисование изображения дерева; четвертый лишний; воспоминание об образах; десять слов; что не хватает; определение основных признаков; классификация и сравнение понятий; опознание фигур.

Далее, дословно излагаются показания допрошенных по делу лиц (И. Исмаилова, его сестры и матери, Нуриева), отмечается, что в определенные даты (8.11.2010) были составлены экспертно-психологические протоколы, пересказывается содержание справок, судебно-медицинской экспертизы и других документов, полученных в ходе расследования, делаются предварительные выводы согласно вопросам следователя.

В резолютивной части указывается, что а) склонность Исмаилова к фактазированию не выявлена; б) психологические отклонения у Исмаилова не выявлены и в) Исмаилов адекватно воспринимает и воспроизводит совершенные в отношении него действия, но не понимает их содержания.

5 ноября 2010 г. по этому же делу по аналогичным вопросам была назначена судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетней Айтадж Исмаиловой, 2001 г. рождения и 8 декабря 2010 г. получено заключение эксперта-психолога №16122.

Содержание обеих заключений аналогично, если не считать того, что по заключению №16122 А. Исмаилова в отличие от брата понимала (осознавала) характер совершенных в отношении него действий и то, что первое заключение оговаривается во втором.

Таким образом, в обоих заключениях при одинаковых использованных методах эксперты пришли к неодинаковому выводу об адекватном понимании испытуемыми происшедших событий: И. Исмаилов не понимал их характер, а сестра понимала, хотя возрастная разница между ними составляла менее двух лет.

Представляется, что следователю, расследовавшему уголовное дело №58086, прокурору, осуществляющему процессуальное руководство, да и многим другим участникам данного процесса, другим следователям и прокурорам использованные методики и специальная литература говорят не многое.

Между тем, при состязательном процессе по данному делу и определенной подготовленности его участников, экспертам пришлось бы отвечать на ряд вопросов, которые способны породить сомнения у суда и всех других участников судопроизводства, даже со стороны обвинения. Например, почему в ходе экспертиз применялись указанные в заключении методики, а не тесты Р. Амтхауэра, матрицы Д. Равенна, шкала Векслера, доска форм Сегена, опросник С. Хатуэй, методики В. Мильмана, Д. Роттера, Д. Рикса, В. Стефансона, О. Эйдемиллера и многие другие.

Или же, почему в качестве специальной литературы были использованы работы Б.Х. Алиева, С.Ф. Шабанова, В.В. Нагаева и Ф.С. Сафуанова, но не были использованы труды Ю.М. Антонова, Р.Г. Ашкенази, И.А. Бужанидзе, А.А. Горина, В.С. Егорова, А.И. Зыкова, Б.Д. Карвасарского, М.В. Костицкого, М.М. Коченова, И.А. Кудрявцева, А.В. Кудрявцевой, В.В. Мельник, Ю.Т. Мясникова, В.Т. Нор, А.М. Столяренко, В.С. Магуна, Е.Р. Россинской, Т.М. Секераж, О.Д. Ситковской, Г.П. Трифионовой, Е.Н. Холоповой, Ю.В. Чуфаровского, С.С. Шипшина и др. российских ученых, не говоря уже об авторах из других стран.

В определенных ситуациях вопросом будет и использование экспертом С.Ф. Шабановым своих трудов, а также использование его трудов подчиненными сотрудниками.

Как указывалось выше, точки зрения В.В. Нагаева, Ф.С. Сафуанова, И.А. Кудрявцева и других ученых по ряду проблем СПЭ не сходятся, а в ряде случаев диаметрально противоположны. Поэтому, естественен вопрос, почему за основу исследования взяты соображения Ф.С. Сафуанова, а игнорированы, н.п., И.А. Кудрявцева.

Это одна сторона проблемы, связанная с оценкой заключения эксперта-психолога, а другая заключается в том, что в данном вопросе у следователя отсутствует альтернатива. Он вынужден принять выводы эксперта, благо они не противоречат другим доказательствам, и принять в качестве безусловных.

Оспаривать выводы эксперта-психолога следователь не в состоянии, поскольку не разбирается в специальных вопросах, а если разбирается, то не имеет возможности их оспаривать, поскольку кроме Центра судебных экспертиз СПЭ в Азербайджане нигде не проводятся. И повторные и комиссионные экспертизы будут проводиться в том же центре теми же специалистами, подотчетными одному и тому же руководителю.

Таким образом, создается ситуация, когда следователь вынужден принять заключение СПЭ как безусловное доказательство тех или иных обстоятельств.

Однако, это в том случае, когда противоречий между доказательствами нет, а в противном случае всплывают все коллизии законодательства, о которых говорилось выше.

Каким образом у следователя или судьи может сложиться внутреннее убеждение, если с трудами Ф.С. Сафуанова он не знаком, в специальных знаниях не разбирается и о наличии других методик не осведомлен?

Так, из 150 опрошенных (по 30 следователей, судей, дознавателей, прокуроров и адвокатов) на вопрос о том, как они производят оценку заключения СПЭ ответили (учтены все ответы), что берут за основу выводы эксперта, производят сопоставление с другими доказательствами, используют собственные специальные знания, изучают специальную литературу и обращаются к независимым специалистам. 24 судьи, 26

следователей, 28 прокуроров, 28 дознавателей и 30 адвокатов дополнительно указали, что в ряде случаев прибегают к допросам экспертов.

Собственные специальные знания не имеют доказательственной силы, а обращение к независимым специалистам невозможно в связи с отсутствием таковых и невозможностью вовлечения их в процесс. Поэтому, они обращаются к специалистам (экспертам), что не обладают необходимыми знаниями.

Что касается сопоставления с другими доказательствами, то представляется, что во всех случаях приоритет будет дан заключению СПЭ, поскольку в противном случае процесс развалится, а обосновать отказ от заключения СПЭ будет невозможно.

В последнем случае в материалах дела останутся противоречия, которые будут основанием для возражений противной стороны.

Если возвратимся к рассмотренному примеру с несовершеннолетним Исмайловым, то увидим, что в ряде случаев заключение СПЭ противоречит материалам уголовного дела. Так, эксперты пришли к выводу, что несовершеннолетний Исмайлов не осознавал характер совершаемых в отношении него действий, а сестра понимала. Однако, оба несовершеннолетних действовали одинаково: не кричали, не звали на помощь. Несовершеннолетний И. Исмайлов во время совершения сексуальных действий увидел, что за ним наблюдает сестра и сказал об этом обвиняемому Нуриеву, а тот не прореагировал и продолжил сексуальные действия в доме.

Подобное поведение представляется неадекватным, или же неверными являются утверждения потерпевшего и его сестры.

Однако, в ходе расследования на данные обстоятельства никто кроме защитника внимания не обратил, поскольку при назначении СПЭ сторону обвинения интересовал лишь вопрос о склонности И. Исмаилова к фактазированию.

Представим ситуацию, что эксперты-психологи определили наклонность потерпевшего и его сестры к фактазированию, их неспособность воспринимать, понимать и воспроизводить происшедшие события. Что это изменило бы? Во всех случаях следователь был бы обязан устанавливать факт преступления и его обстоятельства, а состояние потерпевших и свидетелей имело бы опосредствованное отношение, необходимое для проверки других доказательств.

Таким образом, в вопросах назначения СПЭ, условно можно выделить доказательственный аспект, когда заключение эксперта-психолога имеет доказательственную ценность или не имеет таковой, т.е. является в этом плане альтернативным и имеет к сути основного элемента предмета доказывания (имело или не имело место уголовное происшествие) опосредствованное отношение.

Однако, в ситуации установление возраста обвиняемого при отсутствии документов о рождении, заключение СПЭ имеет решающее значение для решения уголовно-правовых вопросов.

В связи с изложенным, можно сделать вывод, что заключение СПЭ, как не имеющее заранее установленной силы, при решении уголовно-процессуальных проблем является составной частью совокупности равносильных доказательств, оцениваемых по правилам ст. 145 УПК, а при отсутствии подобной совокупности и решении уголовно-правовых вопросов является главным.

Однако, это противоречит положениям ст. 33.3 УПК и не отвечает на главный вопрос о легитимности оценки выводов эксперта со стороны некомпетентных участников процесса.

На данном этапе развития общества выход из создавшегося замкнутого круга мы видим лишь в повышении уровня специальных знаний, и не только психологических, основных участников процесса со стороны обвинения и защиты, а в первую очередь суда, поскольку в настоящее время это является

одним из основных условий справедливого судопроизводства на всех его этапах.

В современной зарубежной литературе, посвященной проблемам психологической экспертизы, неоднократно высказывалось мнение, что заключение эксперта-психолога может быть опровергнуто лишь другим экспертом-психологом более высокой квалификации.

Более того, были высказаны предложения исключить заключение эксперта-психолога из числа доказательств, ограничив его значение лишь ориентирующими факторами, поскольку, как правило, выводы экспертов-психологов по кардинальным вопросам уголовного процесса являются субъективными, зависящими от примененных методов исследования и с равным успехом будут защищены полярные точки зрения по одному и тому же вопросу [28, с. 60-62].

С нашей точки зрения, утверждение о возможности опровержения выводов эксперта-психолога лишь другим экспертом (специалистом) более высокой квалификации является неверным и незавершенным, т.к. вопрос об уровне квалификации не может быть определен на основании дипломов и сертификатов либо стажа работы, да и, кроме того, уровень квалификации также не гарантирует соответствие выводов эксперта-психолога истине. В такой ситуации, спор об истинности выводов может длиться до бесконечности и продолжаться с появлением нового эксперта более высокой квалификации.

В работе Яна де Кейсера и Хенка Эльферса «Понимание заключений судебных экспертиз судьями, защитниками и судебными работниками» указывается, что в подавляющем большинстве судьи и защитники берут за основу выводы экспертов-психологов, не вдаваясь в правильность проведенных исследований и не понимая разъяснений в этой части, излагаемых в судебных заседаниях.

Более того, в ряде случаев судьи игнорируют заключения судебно-психологических экспертиз, отклоняя их общими словами, не подтвержденными фактическими обстоятельствами дела [30, с. 191-207].

Аналогичные выводы сделаны в работе Гарри Б. Мелтона, Джона Петрила, Нормана Г. Пойтресса «Психологические оценки для судов» [29, с. 175-179], в книге «Психологическая экспертиза в суде» [31, с. 98-101] работе «Психологические науки в зале суда. Консенсус и разногласия» [32, с. 217-230] и др.

Предложения зарубежных специалистов по разрешению проблемы созвучны нашим: лишь повышение уровня специальных психологических знаний у судей и других участников процесса способно обеспечить правосудие в полном значении данного слова.

Библиография

1. Ашкенази Р.Г. Проблемы оценки заключения эксперта-психолога. М., Юридлит, 2010.
2. Баринов А.С. Психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве. Тула, Автограф, 2010.
3. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М.: Наука, 1966.
4. Белкин А.Р. Теория доказывания. М.: НОРМА, 1999.
5. Бахтин И.С. Структура научного познания. Тверь, Арбалет, 2009.
6. Бухановский А.О., Кутявин Ю.А., Литвак М.Е. Общая психопатология. Ростов-н/Д, 1998.
7. Востриков С.И. Проблемы назначения психологических экспертиз в уголовном процессе. Светоч, СПб., 2009.
8. Епищев А.С., Зотов И.Г. Проблемы судебно-психологической экспертизы. Калининград, Старт, 2010.

9. Завидов Б.Д. Заключение эксперта и его оценка следователем // Следователь. 1998, №9, с. 40-42.
10. Золотова А.И., Шмелев И.М. Руководство по расследованию убийств. М.: Аллюр, 2007.
11. Зосинцев И.Ф., Крайнов И.Г. Расследование убийств. Волгоград, Арго, 2007.
12. Зыков А.И. Судебно-психологическая экспертиза в досудебном уголовном производстве. СПб., Стрела, 2010.
13. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.
14. Комментарий к парадоксам УПК Азербайджанской Республики. (Часть I) Под ред. Сулейманова Д.И. Сборник научных статей. Баку, Тефеккюр ИПЦ, 2004.
15. Любимов С.И. Психологическая экспертиза при расследовании преступлений. М., Стрела, 2009.
16. Надгорный Г.М., Исаакович Б.М. Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе // Сб.: Криминалистика и судебная экспертиза Киев, 2001, № 50, с. 91-95.
17. Носов С.И. Психологическая экспертиза: проблемы назначения и оценки выводов. Волгоград, Олимп, 2009.
18. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000.
19. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001.
20. Рутинцев О.В. Психологическая экспертиза как средство доказывания. Волгоград, Темп, 2008.
21. Самохин И.Н. Психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., Колычев и др., 2010.
22. Снегирев Е.А. Оценка доказательств по внутреннему убеждению. Дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002.

23. Соловьев А.Б. Процессуальные, психологические и тактические основы допроса на предварительном следствии. М.: Юрлитинформ, 2002.
24. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. Баку: ЮЛ.:2007.
25. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики. По состоянию на август 2014 г., Ганун, Баку, 2014 (на азерб. яз.).
26. Фурцев И.С. Проблемы оценки и использования заключения эксперта. Волгоград, Темп, 2009.
27. Щербин И.С. Специальные знания в уголовном судопроизводстве. СПб., Беркут, 2010.
28. Bruce A Stevens. Crossfire: how to survive giving expert evidence as a psychologist. Bowen Hills, Qld.: Australian Academic Press, 2008.
29. Gary B. Melton, John Petrila, Norman G. Poythress and more. Psychological Evaluations for the Courts. The Guilford Press, New York, USA, 2007.
30. Jan de Keijser, Henk Elffers. Understanding of forensic expert reports by judges, defense lawyers and forensic professionals. Psychology, Crime & Law. Vol. 18, no. 2, 2012, p. 191-207.
31. Psychological Expertise in Court. Vol. 2/Edited by Daniel A. Krauss, Joel D. Lieberman. Las Vegas, USA, 2009.
32. Psychological Sciences in the Courtroom. Consensus and controversy. New York, Guilford Press, 2009.